

УДК 811.112.2`27(571.16)
UDC
DOI: 10.17223/18572685/70/14

Реконструкция метаязыковой биографии субэтноса как аспект изучения эволюционных процессов в этноконтактных зонах: на материале немецких диалектов российских немцев*

О.А. Александров¹, З.М. Богословская²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: olegaleksandrov79@gmail.com

² E-mail: zefarija@mail.ru

Авторское резюме

Исследуется языковая биография российских немцев – субэтноса, пребывающего в контактной зоне немецкой и русской культур. К настоящему времени российские немцы охвачены стремительными ассимилятивными процессами: традиционные лингвокультурные доминанты вытесняются под воздействием русскоязычного окружения. Под «языковой биографией» в широком смысле понимается пережитая человеком история взаимодействия с языком и его разновидностями, отдельные факты которой человек подвергает когнитивной реконструкции и эксплицирует в речи. Моделирование языковой биографии российских немцев осуществляется посредством анализа немецких диалектных высказываний нарративного и автобиографического характера, которые наряду с биографическими сведениями эксплицируют знания этнических немцев об истории собственного субэтноса и представления о языках, которыми они владеют или с которыми они контактировали в течение жизни. Эмпирический материал исследования собирался посредством самостоятельных полевых практик в Западной Сибири – регионе, демонстрирующем в настоящий момент самую высокую численность изучаемого субэтноса. В ходе исследования установлено, что один из этапов языковой биографии российских немцев – вой-

* Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

на и послевоенные годы, охватывающий период с 1941 по 1955 г., включает специфический набор явлений, обусловленных автобиографическим и историческим контекстом. Этот набор образуется релевантными для восприятия компонентами языковой ситуации, отдельными языковыми реалиями, историко-биографическими событиями. Также отмечается изменение аксиологической трактовки одних и тех же языковых явлений, выделяемых на разных этапах языковой биографии.

Ключевые слова: межэтнические контакты, метаязыковая биография, российские немцы, территориальные диалекты

The reconstruction of the metalanguage biography of a subethnos as an aspect of the study of evolutionary processes in ethnocontact zones: German dialects of the Russian Germans*

O.A. Aleksandrov¹, Z.M. Bogoslovskaya²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: olegaleksandrov79@gmail.com

² E-mail: zefarija@mail.ru

Abstract

The research focuses on the linguistic biography of the Russian Germans – a subethnos living in the contact zone of German and Russian cultures. By now, Russian Germans are engulfed in rapid assimilation, with traditional linguistic and cultural dominants being displaced under the influence of the Russian-speaking environment. “Language biography” in a broad sense is understood as the history of interaction with language and its varieties experienced by a person, individual facts of which a person cognitively reconstructs and explicates in speech. The reconstruction of the linguistic biography of the Russian Germans is carried out by analyzing German dialect statements of a narrative and autobiographical nature, which, along with biographical information, explicate the knowledge of ethnic Germans about the history of their own

*This study was supported by the Tomsk State University Development Program (Priority-2030).

subethnos and ideas about the languages they speak or which they have been in contact during their lives with during their lives. The empirical research material was collected through field practices in Western Siberia – in the region that currently demonstrates the highest number of Russian Germans. The study found that one of the stages of the linguistic biography of the Russian Germans “The War and the post-war years”, covering the period from 1941 to 1955, includes its own specific set of phenomena caused by the autobiographical and historical context. This set is formed by the historical and biographical events, as well as by the components of the linguistic situation and certain linguistic realities relevant for perception. There is also a change in the axiological interpretation of the same linguistic phenomena identified at different stages of linguistic biography.

Keywords: interethnic contacts, metalanguage biography, the Russian Germans, territorial dialects

В свете достижений современных отраслей гуманитарного и социального знания использование в диалектологии только традиционных методов стало рассматриваться как недостаточное для получения валидных сведений об исследуемом объекте. Отвечая на призыв к переоценке методологических принципов, представители так называемой перцептуальной диалектологии комбинируют в своих исследованиях аспекты описательной, системно-структурной и ареальной лингвистики с методами «народной лингвистики» (см., например, [5; 7; 9]). Согласно формулировке О.А. Радченко и Н.А. Закуткиной, перцептуальные диалектологи обращаются к тому, «что обычные люди думают относительно дистрибуции языковых вариаций в своём языковом сообществе, а также и в других сообществах, как простые люди относятся к диалектам» [3: 38].

Один из современных аспектов изучения явлений, вызванных межэтническими отношениями, предполагает обращение в диахронической перспективе к метаязыковому сознанию людей, выступающих субъектами этих взаимодействий. В ряде исследований, основывающихся на анализе лингвистических данных в сочетании с интерпретацией сведений исторического, социального и когнитивного характера, используется термин *языковая биография*. Необходимо отметить, что на данный момент названный термин не является общепринятым и его семантическое наполнение получает в разных работах то или иное преломление. Так, германский учёный Д. Топинке даёт следующее обобщающее определение: «Языковая биография служит в преднаучном смысле для обозначения того, что люди находятся по отношению к языку, языкам и их вариантам в

процессе развития, который понимается как цепь релевантных языку жизненно-исторических событий»¹ [11: 1].

Обзор специальной литературы позволяет заключить, что в широком смысле под *языковой биографией* понимается история усвоения и использования языка или языков. При этом применение языка неотделимо от его оценки, от вырабатываемого к нему в процессе языковой практики отношения, которое имеет как индивидуальный, так и социальный контекст. Данный процесс развития длиною в человеческую жизнь не доступен прямому наблюдению, но постижим через его косвенные проявления: изменение языковой компетенции индивида и вербализованное им мнение о языке. Некоторые этапы жизни человека можно рассматривать как более языковые, т.е. более релевантные для языковой биографии, например, события, связанные с миграцией, с усвоением иностранных языков или утратой языковых навыков, и т.д. С другой стороны, общепринято, что языки являются важнейшим инструментом социализации, выражения и передачи социальных и культурных традиций, потому в широком смысле языковая биография человека – это вся его биография, весь проделанный им жизненный путь [6; 11].

На сегодняшний день языковые биографические исследования проводятся в основном в этноконтактных зонах Западной Европы. В их фокусе находятся результаты воздействия исторических процессов и межэтнических контактов на языковую компетенцию, языковые практики и языковое восприятие жителей обследуемых ареалов [6; 8; 10]. Подход к изучению межэтнических взаимодействий, предполагающий обращение к языковой биографии, находится ещё на стадии становления и практически не реализован по отношению к этноконтактным зонам на территории Российской Федерации.

Согласно переписи населения 2010 г. в России проживает 394 138 граждан, определяющих себя в качестве представителей немецкого этноса. Исконными для российских немцев языковыми образованиями являются немецкие диалекты, которые «прибыли» вместе с первыми колонистами в Россию более 250 лет назад. В настоящее время традиционные лингвокультурные доминанты российских немцев стремительно вытесняются под воздействием русскоязычного окружения и могут быть утрачены вовсе (см. об этом подробнее: [1]).

С целью разноаспектного изучения нивелируемой лингвокультуры группа томских исследователей регулярно осуществляет полевые изыскания в местах компактного проживания российских немцев, населяющих Западную Сибирь. В нашей статье речь идёт о результатах, полученных нами в Томской и Новосибирской областях.

В ходе реализованных экспедиций были опрошены 165 представителей немецкой национальности, владеющих немецкими диалектами. Выявлено, что компетенцию родного языка сохранили преимущественно немцы, проживающие в сельской местности. В указанное число информантов вошли жители сёл Александровского, Кargasокского, Кожевниковского, Колпашевского, Парабельского районов Томской области, а также Баганского, Краснозерского и Карасукского районов Новосибирской области (рис. 1, 2). Из опрошенных 165 российских немцев только 13 человек являются городскими жителями. Причем подавляющее большинство из них (10 человек) владеют диалектами в пассивной форме, т. е. способны в основном воспринимать, а не продуцировать диалектный текст.

Рис. 1. Сельские районы Томской области, подвергнутые исследованию полевой лингвистике.

При возрастном ранжировании опрошенных российских немцев выделяются 3 группы (табл. 1). Первая группа респондентов родилась до Великой Отечественной войны, в начале которой этнические немцы массово были выселены из европейской части СССР в Сибирь и Среднюю Азию, а часть из них подверглась мобилизации в трудовую армию. Вторая группа респондентов родилась в период с начала Великой Отечественной войны по 1955 г., в который для депортированных российских немцев был отменен режим спецпоселений. Третья группа диалектоносителей родилась уже после 1955 г.

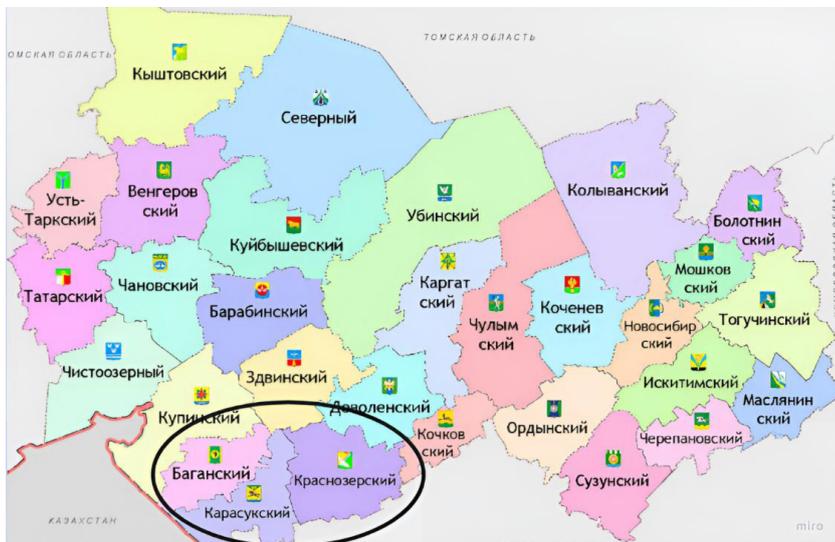

Рис. 2. Сельские районы Новосибирской области, подвергнутые исследованию по полевой лингвистике.

Таблица 1

Возрастное ранжирование респондентов

Возрастная группа	Общее количество диалектоносителей	Количество немцев, активно владеющих диалектами
Рождённые до 1941 г.	62	46
Рождённые с 1941 по 1955 г.	48	15
Рождённые после 1955 г.	55	4
Всего	165	65

Согласно данным табл. 1 высокий уровень компетенции родного языка сохранили преимущественно немцы, рождённые до событий Великой Отечественной войны: 71 % от общего числа немцев, владеющих диалектами в свободной форме.

Как известно, формирование немецкой общности Западной Сибири протекало на протяжении более чем 200 лет. Этот процесс включает несколько исторических этапов, каждый из которых сопровождался межгосударственными или внутригосударственными миграционными волнами (см. об этом подробнее [4]). Проведённое исследование показало, что часть опрошенных немцев являются потомками не-

мецких колонистов, прибывших на территорию Западной Сибири в начале XX в. в рамках Столыпинской аграрной реформы. Другая часть – это потомки советских немцев, оказавшихся в Сибири не по своей воле в период коллективизации и массовых насильственных переселений в 1930-е гг. В число информантов также вошли немцы, которые оказались на указанных территориях вследствие депортаций в 1941–1942 гг. Формированию немецких общностей в Томской и Новосибирской областях также содействовали миграционные волны ненасильственного характера, которые охватили российских немцев после того, как в 1955 г. им была предоставлена относительная свобода передвижения.

Количественный анализ показал, что среди информантов преобладают выходцы из бывших АССР – немцы Поволжья и Украинской ССР, чьи семьи были вывезены из этих республик в начале войны (табл. 2). Эти люди либо сами являлись участниками данных событий, либо их родители были подвергнуты переселению, а сами они родились уже позднее на новых территориях размещения российских немцев. Необходимо отметить, что именно к этой группе относится подавляющая часть немцев, владеющих диалектами в свободной форме.

Таблица 2

Ранжирование респондентов в соответствии с историческими этапами формирования немецкого населения Западной Сибири

Период переселения диалектоносителей или их родителей в Западную Сибирь	Общее количество диалектоносителей	Количество немцев, активно владеющих диалектами
Начало XX в.	15	8
1930-е гг.	32	9
Начало 1940-х гг.	109	44
После 1955 г.	9	4
Всего	165	65

Таким образом, уровень владения диалектами у российских немцев разный: часть из них могут свободно общаться с помощью родных форм языка, но большинство опрошенных владеет ими в пассивной форме. Информанты, сохранившие высокий уровень диалектной компетенции, родились в основном до событий Великой Отечественной войны и на момент интервьюирования являлись людьми пожилого и старческого возраста. Большинство респондентов с этими языковыми характеристиками оказались в Сибири вследствие насильственных переселений, которые были применены к ним в 1941–1942 гг. (67 %

от общего числа информантов, владеющих диалектами в свободной форме).

Среди немцев, способных без особых ограничений продуцировать диалектный текст, преобладают женщины с начальным образованием. Чуть более половины информантов с указанными лингвистическими характеристиками состоят в эндогамных браках, однако немцы-супруги не всегда являются носителями идентичных по типу диалектов. Немцы, владеющие диалектами в активной форме, в основном относят себя к традиционным для Германии христианским деноминациям, хотя в их число входят также православные и атеистически настроенные респонденты.

По результатам интервьюирования немцев с высоким уровнем владения родным языком нами был получен корпус диалектных текстов нарративного и автобиографического характера. Эти тексты наряду с биографическими сведениями эксплицируют знания этнических немцев об истории собственного субэтноса и их представления о языках, которыми они владеют или с которыми они контактировали в течение жизни. Анализ текстовых данных позволил реконструировать коллективную *метаязыковую биографию* опрошенных информантов, выделить её этапы, определить особенности каждого из них. Этот термин в исследовании понимается как модель языковой биографии человека или группы людей. Метаязыковая биография не равна языковой: она вбирает только вербализированные, а значит, наиболее релевантные для рефлекслирующего субъекта явления. Она является обобщённым «субъективным» конструктом объективно существующей языковой биографии.

Следует отметить, что выдвигаемая в рамках предлагаемого исследования задача – конструирование метаязыковой биографии – предполагает обращение в историко-языковом контексте прежде всего к общим свойствам рассматриваемой группы людей. Метаязыковая биография трактуется как конструкт коллективного характера, призванный отразить комплекс наиболее типичных явлений. С вариативными чертами языковой личности и метаязыковой рефлексии немцев Западной Сибири можно познакомиться в предыдущих публикациях авторов данной работы (см., например: [2]).

К наиболее сложному этапу жизненной истории российских немцев для реализуемого языкового биографического исследования следует отнести военные и послевоенные годы. Этот этап начинается депортацией российско-немецкого субэтноса из европейской части СССР в восточную в 1941 и 1942 гг. и заканчивается частичной отменой свободы передвижения данного субэтноса в 1955 г. Военные и послевоенные годы – это особый, наиболее трагический

период жизни респондентов. В ходе интервью информанты либо избегали этой темы, либо повествование о ней было перегружено эмоциональными переживаниями. С годами сталинских репрессий у российских немцев связана масса негативных переживаний, которые вытесняют прочие воспоминания и впечатления, в т. ч. и языкового характера. Вместе с тем анализ собранных метаязыковых высказываний позволяет представить основные особенности этой зоны метаязыковой биографии.

Воссоздаваемый по метаязыковым данным образ языковой ситуации рассматриваемого исторического этапа приобретает ярко выраженный многокомпонентный характер: кроме немецкого языка, данную ситуацию наполняют мажоритарный для исследуемого здесь региона язык, а именно русский, а также автохтонные языки Сибири, с носителями которых многие из российских немцев столкнулись сразу после переселения, например селькупский, татарский языки. Также к числу осознаваемых компонентов языковой ситуации того времени относятся польский, латышский, эстонский языки, иврит и другие языковые образования, носители которых прибыли на территорию Томской области в эпоху сталинизма по большей части не по своей воле.

Военные и послевоенные годы – это тот период в жизни информантов, когда русский язык и его явления становятся наиболее значимыми фрагментами осознаваемой языковой действительности. Это вызвано тем, что данный биографический этап в языковом плане является переворотным для опрошенных немцев – это время стремительного, можно сказать, шокового погружения в инокультурную среду, усвоения русского языка, вынужденного формирования билингвальных способностей.

Некоторые информанты в ходе проведённых интервью вспоминали о первых русских словах, которые они услышали в процессе депортации от конвоиров или от местного населения Сибири. Русский язык выступал в тот момент для них очень ярким, необычным явлением. Потому опрошенные немцы не только обратили внимание на первые воспринятые ими фрагменты русской речи, но и запомнили их, хотя иногда даже не понимали значения сказанного. Многие из этих фрагментов речи выражали деструктивные чувства местного русскоязычного населения, которое в 1941 г. ассоциировало немцев-спецпереселенцев, прибывших из немецких колоний западной части СССР, с пленными фашистскими захватчиками. К их числу в первую очередь относится слово, происходящее не из русского языка – *фашист*. Также информанты упоминали такие слова, как *гитлеровец*, *немчур*, *чёрт*, *черти*, *фриц* (см. пример 1).

(1) *Die ruschich Leid hen do gestanne und kreischt: «Faschista, Faschista!».* Ich hab gdaacht, was is n ruschich Wort «Faschista»? Was is des? Und denoch (нем. лат.: danach) die Schwester hot mir gsacht, die Russ denke, mir sinn Faschista, mir sinn фрицы!

Перевод: *Русские там стояли и кричали: «Фашисты, фашисты!» Я подумала, что за русское слово «фашисты»? Что это? А потом сестра мне сказала: русские думают, мы фашисты, мы фрицы!*

Однако среди первых усвоенных единиц русского языка оказались не только лексические образования с негативной экспрессивной тональностью. В жесточайших условиях депортации и голодных лет войны выживание стояло на первом месте, и потому было важно быстро овладеть лексикой, обозначающей продукты питания (см. пример (2)).

(2) *Mir wolle e[z]je. Und mei erscht Wort uf Ruschich wor «хлеб»!*

Перевод: *Мы хотели есть. И моё первое слово по-русски было «хлеб»!*

Только на рассматриваемом этапе метаязыковой биографии русский язык интерпретируется как иностранный язык, чужой язык: немцы вспоминали, что поначалу он был непонятен, как у них возникали сложности при усвоении его, образовывались ситуации коммуникативных неудач (см. пример (3)). На последующих этапах метаязыковой биографии категория чуждости по отношению к русскому языку практически не актуализируется.

(3) *Alles wor fremd, ja, die Leit, Обь, sou viel Wald. Alles. Die Muder sacht, die hun net vestanne, was die Soldate plappere. Die Spraach wor aach fremd!*

Перевод: *Всё было чужое, да, люди, Обь, так много леса. Всё. Мама говорила, она не понимает, о чём говорят солдаты. Язык был тоже чужой!*

Следует отметить, что резкое, неожиданное погружение в иноязычную среду нередко сопровождалось ситуациями коммуникативных неудач, случаями вынужденного преодоления языковых барьеров, ощущением изолированности и отчуждённости в языковом плане. Например, нередко в голодные военные годы немцы, особенно дети, вынуждены были попрошайничать. По признанию информантов, незнание русского языка усложняло и без того неприятное занятие.

Ярким фрагментом языковой действительности на рассматриваемом этапе метаязыковой биографии становятся антропонимы, а точнее, собственные имена и фамилии российских немцев. Это связано с тем, что по прибытии в Сибирь депортированные немцы получали новые документы взамен старых. При документировании немецкоязычных антропонимов средствами русского языка не соблюдался какой-либо единый регламент передачи межъязыковых

звукобуквенных соответствий, поэтому многие из опрошенных немцев приобрели вместе с новыми документами и «новые» имена и фамилии. Респондентов удивлял не только тот факт, что их имена на русском звучат иначе, чем на немецком. Иногда также случалось, что фамилия представителей одной и той же семьи вносилась в соответствующие документы не идентичным образом (см. пример (4)).

(4) *Ich kann des net verstehe! Mir wore Hummer, Hummer is mei Name. Awer die hen uns wie Gummer angeschriewe. Und ba mei Bruder вообще steht (в паспорте) Gumer! Mit an «т»!*

Перевод: *Я не могу этого понять! Мы были Хуммер, Хуммер – моё имя. Но они нас как Гуммер записали. А у моего брата вообще стоит (в паспорте) Гумер! С одной «т».*

В годы Великой Отечественной войны для российских немцев становится салиентным тот факт, что их родная речь, а также то, как звучат их имена и фамилии, являются для окружающих ярким признаком их национальной принадлежности. Информанты указывали, что за актами идентификации русскоязычным большинством нередко следовали акты деструктивного типа: стигматизация, проявление недоброжелательности, сравнение с фашистами и т. п. (см. пример (5)).

(5) *All Leit liebe net des, wann iver den Name lache, was beis sache. Und die iwer den «Friz» tat sache. Name is deitsch, da bischt du тогда Friz. Ja, Iwan gut, gute Nam! Mascha gut! Und Jakob geht net schun!*

Перевод: *Все люди этого не любят, когда смеются над их именем, что-то плохое говорят. А они говорят на него: «Фриц». Если имя немецкое, тогда ты (сразу) «Фриц». Да, Иван хорошее, хорошее имя! Маша хорошее! А Яков уже не пойдёт!*

Информантами отмечается сужение дискурсивных границ родных форм бытования языка. Они осознают, что из языковых образований, которые демонстрировали максимальные значения функциональной мощности, в годы войны они внезапно стали явлениями с регламентированными пределами использования.

Использование родных форм существования языка не просто сузилось до пределов тех или иных коммуникативных сфер, оно во многом стало ситуативно обусловленным. Согласно анализируемым высказываниям, немецкие диалекты на этом этапе метаязыковой биографии предстают как языковые образования, которые уместно использовать только среди, так сказать, «своих людей», что исключает присутствие в подобных ситуациях представителей иных лингвокультур. Другими словами, на немецком диалекте можно было разговаривать только среди немцев. В присутствии русскоязычных или носителей других языков следовало переключаться на язык большинства (см. пример (6)).

(6) *Und hi (в Сибири) mir hun ka Deutsch gesprouche. Iwerall is Ruschich, nu mir aach, aach uf Ruschich! Mit unser Leid mir hun was uf Deutsch gsacht! А так, конечно, ein Russ kommt, und mir glaach wirre (нем. лит.: wieder) uf Ruschich.*

Перевод: *И здесь (в Сибири) мы не говорили на немецком. Везде русский, ну мы тоже, тоже на русском! С нашими людьми что-то говорили на немецком! А так, конечно, русский придёт, и мы сразу снова по-русски (говорим).*

Также на рассматриваемом этапе метаязыковой биографии у информантов складывается понимание того, что возникает возможность применять родной язык как способ «шифрования» информации, т. е. передачи информации внутри субэтнической группы так, чтобы не членам группы эта информация не была доступна для понимания. Как сказал в ходе проведённых интервью один из информантов, родной язык стал «тайным» (см. пример (7)).

(7) *Hu, uns Spraach wor... как это сказать, для тайн, тайный язык. Fir Gheimnis sache, nur mit Leid was verzähle. Mir plappere, awer Russ verstehe nix (смеётся).*

Перевод: *Ну наш язык был... как это сказать, для тайн, тайный язык. Чтобы говорить тайны, только с (нашими) людьми разговаривать. Мы болтаем, а русский ничего не понимает.*

При этом диалекты на данном этапе метаязыковой биографии утрачивают яркие территориальные признаки: тот или иной немецкий диалект больше не соотносится с конкретным пространственным ареалом распространения. Информантам салиентен факт того, что носители разных локальных форм немецкого языка оказались в ходе рассматриваемых исторических событий перемешанными в территориальном плане.

Хотя, как было отмечено выше, проводимое языковое биографическое исследование направлено на обнаружение общеколлективных свойств, оно позволило обнаружить некоторую флуктуацию описываемых явлений на индивидуально-личностном уровне. Так, отдельные немцы, описывающие процесс «погружения» в иноязычную среду, не воспринимают его в негативном ключе. Наоборот, их высказывания, раскрывающие данный процесс, пропитаны положительными эмоциями. Например: одна из женщин-информантов рассказывала, что русским языком она овладела, играя с русскоязычными детьми. И даже, смеясь, она продемонстрировала выученный ею наизусть от других детей первый русскоязычный текст – детскую считалочку (см. пример (8)).

(8) *Ich tu verzähle des und hab net verstanne. Wie die ruschich Kindje, und ich aach: «За горами, за лесами стоит бочка с пирогами. Раз, два, три, водить будешь ты!»*

Перевод: *Я это говорила и не понимала. Как русские дети, так и я: «За горами, за лесами стоит бочка с пирогами. Раз, два, три, водить будешь ты!»*

Также было выявлено, что после переселения немцы оказались в тесном контакте не только с русскоязычным населением, но и с представителями других культур. Поэтому на данном жизненном этапе не только русский язык, но и иные языки становились для них объектами вынужденного изучения и потому фокусированного осмысления. Например, один из информантов из Александровского района Томской области в качестве первых усвоенных в Сибири «иностранных» (т. е. не немецких) слов назвал единицы татарского языка. Другой информант – пожилая женщина из Каргосокского района Томской области – попала в Украине в оккупацию и была угнана на принудительные работы в Польшу, а после окончания войны оказалась в Сибири. Согласно хронологии её личной языковой биографии, польский язык стал вторым языком после немецкого, а русский – третьим. Пережитый опыт усвоения обоих неродных языков данным информантом также подвергал вербализированной рефлексии в ходе проводимых с ней интервью (см. пример (9)).

(9) *Mein Muterspraach is Deitsch, unser Plattdeitsch. Awer, awer wann ich in Pольша wor, vergesse ich Deitsch. Mir hen do nur uf польский geplaudert. Deitsch gonz verlernt! Und Ruschich dahere, wann wir in Russland komme. Sou is ma Lewen!*

Перевод: *Мой родной язык – это немецкий, наш платтдойч. Но, но когда я была в Польше, я забыла немецкий. Мы только на польском говорили. Немецкий совсем забыла! А русский язык потом, когда мы приехали в Россию. Такая моя жизнь!*

Как было указано выше, не все опрошенные немцы, владеющие диалектами в свободной форме, были рождены до событий Великой Отечественной войны. Часть из них относится к более младшим возрастным группам, не ставшим участниками насильственных переселений рассматриваемого исторического периода и знающих о них из рассказов представителей старшего поколения. Однако в нарративных высказываниях о своей жизни этих информантов присутствуют языковые биографические образы их родителей, переживших войну. Данным языковым биографическим образам свойственны аналогичные характеристики, указанные выше для непосредственных свидетелей упомянутых трагических событий.

Как уже отмечалось, не все опрошенные российские немцы с высоким уровнем владения родным языком оказались в Западной Сибири в результате массовых переселений представителей обсуждаемого субэтноса, развернувшихся в 1941 и 1942 гг. Часть из них

уже проживала на обследованных территориях задолго до событий этих лет, другая часть прибыла сюда во второй половине XX в. в ходе новых миграционных процессов. Эти российские немцы не испытали шокового погружения в иноязычную среду. Согласно их метаязыковым высказываниям, до 6–7 лет они владели только немецкими диалектами, которые являлись средством внутрисемейного общения, а затем с расширением палитры коммуникативных связей в пределах бытового и институционального дискурсов происходило постепенное усвоение русского языка. В этой связи их метаязыковая биография рассматриваемого этапа содержит гораздо меньше или не содержит вовсе тех черт конфликтного и негативного характера, которые обнаруживаются в отношении большинства немцев с высоким уровнем диалектной компетенции.

Таким образом, проведённое языковое биографическое исследование позволяет проследить поступательное взаимосвязанное изменение языковой и исторической ситуации, а также метаязыковых представлений в одной из малоизученных зон межэтнических контактов. Как было продемонстрировано, с позиции чувственно-интуитивного аспекта метаязыковая биография – это событийный конструкт, который разворачивается в релевантном языку контексте и отражает трансформацию системы ценностных ориентаций человека. Он убедительно свидетельствует о том, что на протяжении жизни у человека меняются принципы селекции и категоризации интерпретируемых языковых объектов. Данный конструкт обладает источниковедческим потенциалом, т. к. с его помощью открывается доступ к фактам прошлого определённой этнической общности в индивидуально-личностной перспективе.

Примечание

1. Переведено с немецкого языка. Оригинальный текст: «Sprachbiographie dient in einem vorwissenschaftlichen Sinne dazu, den Sachverhalt zu bezeichnen, dass Menschen sich in einem Verhältnis zur Sprache bzw. zu Sprachen und Sprachvarietäten in einem Entwicklungsprozess befinden, der von den sprachrelevanten lebensgeschichtlichen Ereignissen beeinflusst ist» [11: 1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров О.А. Актуальное состояние традиционной лингвокультуры немцев Томской области // Язык и культура. 2020. № 52. С. 6–18. DOI: 10.17223/19996195/52/1

2. Александров О.А., Богословская З.М. Метаязыковая рефлексия в текстовой культуре российских немцев: варьирование форм и значений // *Язык и культура*. 2021. № 53. С. 8–25. DOI: 10.17223/19996195/53/1

3. Радченко О.А., Закуткина Н.А. Дialektnая картина мира как идиоэтнический феномен // *Вопросы языкознания*. 2004. № 6. С. 25–48.

4. Смирнова Т.Б., Блинова А.Н., Тишков В.А. Российские немцы. СПб.: Наука, 2021. 719 с.

5. Anders C.A. *Wahrnehmungsdialektologie: das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien*. Berlin: de Gruyter, 2010. 466 S.

6. Franceschini R., Miecznikowski J. *Leben mit mehreren Sprachen: Sprachbiographien*. Bern; Berlin; Frankfurt am Main; Wien: Peter Lang, 2004. 254 S.

7. Hundt M. Vorwort // *Regiolekte. Objektive Sprachdaten und subjektive Sprachwahrnehmung* / Hrsg.: M. Hundt, A. Kleene, A. Plewnia und V. Sauer. Tübingen: Narr, 2020. S. 9–13.

8. König K. *Spracheinstellungen und Identitätskonstruktion. Eine gesprächsanalytische Untersuchung sprachbiographischer Interviews mit Deutsch-Vietnamesen*. Berlin: Akademie, 2014. 407 S.

9. Preston D.R. A language attitude approach to the perception of regional variety // *Handbook of perceptual dialectology*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999. Vol. 1. P. 359–373.

10. *Spachminderheit, Identität und Sprachbiographie* / hrsg.: G. Koch. Regensburg: Ed. Vulpes, 2013. 268 S.

11. Topfink D. *Lebensgeschichte und Sprache. Zum Konzept der Sprachbiografie aus linguistischer Sicht* // *Bulletin vals-asla* / hrsg.: K. Fdamzik, E. Roos. 2002. № 76. S. 1–14.

REFERENCES

1. Aleksandrov, O.A. (2020) Current state of traditional linguoculture of the Germans of Tomsk region. *Yazyk i kultura – Language and Culture*. 52. pp. 6–18 (in Russian). DOI: 10.17223/19996195/52/1

2. Aleksandrov, O.A. & Bogoslovskaya, Z.M. (2021) Metalanguage reflexion in the text culture of the Russian Germans: variation of forms and meanings. *Yazyk i kultura – Language and Culture*. 53. pp. 8–25. DOI: 10.17223/19996195/53/1

3. Radchenko, O.A. & Zakutkina, N.A. (2004) Dialektnaya kartina mira kak idioetnicheskiy fenomen [Dialectal picture of the world as an idioethnic phenomenon]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 6. pp. 25–48.

4. Smirnova, T.B., Blinova, A.N. & Tishkov, V.A. (2021) *Rossiyskie nemtsy* [Russian Germans]. St. Petersburg: Nauka.

5. Anders, C.A. (2010) *Wahrnehmungsdialektologie: das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien*. Berlin: de Gruyter. 466 S.

6. Franceschini, R. & Miecznikowski, J. (2004) *Leben mit mehreren Sprachen: Sprachbiographien*. Bern, Berlin, Frankfurt am Main, Wien: Peter Lang.

7. Hundt, M. (2020) Vorwort. In: Hundt, M., Kleene, A., Plewnia, A. & Sauer, V. (eds) *Regiolekte. Objektive Sprachdaten und subjektive Sprachwahrnehmung*. Tübingen: Narr. pp. 9–13.

8. König, K. (2014) *Spracheinstellungen und Identitätskonstruktion. Eine gesprächsanalytische Untersuchung sprachbiographischer Interviews mit Deutsch-Vietnamesen*. Berlin: Akademie.
9. Preston, D.R. (1999) A language attitude approach to the perception of regional variety. *Handbook of Perceptual Dialectology*. 1. pp. 359–373.
10. Koch, G. (ed.) (2013) *Spachminderheit, Identität und Sprachbiographie*. Regensburg: Ed. Vulpes.
11. Tophinke, D. (2002) Lebensgeschichte und Sprache. Zum Konzept der Sprachbiografie aus linguistischer Sicht. *Bulletin vals-asla*. 76. pp. 1–14.

Александров Олег Анатольевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии, доцент кафедры английской филологии Томского государственного университета (Россия).

Oleg A. Aleksandrov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: olegaleksandrov79@gmail.com

Богословская Зоя Матиновна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Zoya M. Bogoslovskaya – Tomsk State University (Russia).

E-mail: zefarija@mail.ru